

Родная кровь

Ни одного плохого слова не сказал о Тане Панкратовой ни один из 240 человек, допрошенных по делу.

Ни одного.

Может, это пустяк, а может, и нет.

Как посмотреть.

Следствие есть следствие. Тут не приходится придерживаться народной мудрости: о мертвых или хорошо, или ничего.

Разные были люди, при разных обстоятельствах встречались они с Таней, и вопросы им задавали тоже разные. Однако это факт: плохих слов не нашлось ни у кого. Поразительный, если вдуматься, итог короткой жизни.

Таня окончила с красным дипломом философский факультет МГУ. Поступила в аспирантуру. Хотя по нынешним временам аспирантура философского факультета скорее походит на хобби богатой наследницы, чем на путевку в жизнь. Однако богатой наследницей Таня не была. Ее родители, два кандидата наук, всю жизнь проработали в НИИ и прожили в крошечной квартире в пятиэтажке.

Однако хобби у Тани все же было. Она великолепно знала английский язык.

И лучше бы она не знала его вовсе.

После первой неудачной попытки поступить в МГУ Таня пошла работать в "Спутник" - ведь она окончила английскую спецшколу.

В "Спутнике" не могли не обратить внимание на юное существо, без труда владеющее не только английским языком, но и его "американским" вариантом, в том числе и разными диалектами.

Советский комитет защиты мира тоже не остался равнодушен к блестящим возможностям юной переводчицы. Она приняла участие в Марше мира. После Марша мира два человека удостоились специального приглашения в Америку: Таня была одним из них.

"...Дорогие родители Татьяны Панкратовой. Я архитектор и член делегации, которая посетила Советский Союз прошлым летом... Наши самые нежные воспоминания связаны с милой, интеллигентной и веселой Таней, которая в течение двух недель была нашим гидом. Ваша дочь произвела на меня такое впечатление, что моя организация "Далс Аэропорт Ротари Клуб" и миссис Марта Пеннино, руководитель нашей делегации, работали над осуществлением поездки Тани в Вирджинию, чтобы она могла продолжить свое обучение в университете Джордж Мэсон в течение года. Мы были так рады, когда она посетила нас прошлой весной. Таня жила в моем доме... Она вместе с моей дочерью Мишель однажды вечером в Вашингтоне пошла танцевать. Они танцевали

с двумя офицерами, которые служили в Белом доме. Эти люди были в шоке, когда обнаружили, что одна из девушек - русская из Москвы. Девушки с озорным юмором рассказывали об этом... Мы навсегда благодарны вам и вашей стране за то, что такой замечательный человек вошел в наши жизни. Майкл Лямей, Рестон, Вирджиния, США".

"...Дорогие родители Тани! Я хочу, чтобы вы знали, каким замечательным человеком была ваша дочь. Я встретил её во время советско-американского Марша мира в 1987 году. Я признаюсь, хотя и боролся за мир и разоружение в США в течение нескольких лет, все же был немного цинично настроен перед приездом... Но Таня стала одной из причин, по которой поездка моя стала такой прекрасной. Она была центром успеха Марша мира. Она была динамичной, творческой, откровенной, старательной, дружелюбной и, что самое главное, - доброй. В 1988 году Таня приезжала в Филадельфию - она была совершенно восхитительна... Когда мне будет грустно или я потеряю веру в жизнь, я буду думать о том времени, которое провел вместе с Таней в США и в СССР, когда сумасшедший мир казался немного более разумным, когда мне было ясно, что есть вещи, которые мы можем сделать, чтобы этот мир стал лучше, когда я помнил, что у меня есть очень хороший друг на другой стороне земного шара. Таня была очень особенным человеком. С глубоким уважением, Стив Бригхэм".

...А потом решили создать организацию по безвалютному обмену для молодежи СССР и США. Там-то Таня и познакомилась с Михаилом Торховским. Если я скажу, что они были разные, - значит, я промолчала. Кому же охота вариться в собственном соку? Другое дело, что они были разные в самом главном, в чем будущим супругам положено быть сообщниками, единомышленниками или просто зеркальными копиями друг друга. Таня была мягкой, доверчивой и бесхитростной. А Михаил, скорее всего, был задуман природой как неограниченный монарх. Возможно, я и ошибаюсь, но вряд ли Таниной маме приснилось словечко "плебеи", которым Михаил любил охарактеризовать нечто, не вполне отвечающее его требованиям к людям. И Танины бессонницы, и начавшиеся ссоры, и язвительные насмешки, от которых Таня страдала, не будучи в силах однажды ответить так, чтобы отбить желание повторять упражнения в острологии, - все это тоже явь, но помочь в таких бедах мамы не в силах - мама только слушала и старалась успокоить. Они собирались пожениться, но потом выяснилось, что Михаил считает эту затею несвоевременной: слишком сложная обстановка - не до того. С другой стороны, он старался подавить Таню и подчинить себе, и некоторое время у него это получалось. Она отказалась от экзотической поездки в Америку на парусниках, ушла с работы. Но ссоры продолжались. Михаил окончил школу-студию МХАТ, и в Москве стало одним театральным художником больше. После армии пошел работать в райком комсомола - сначала

главным художником, потом руководителем творческого центра.

В ноябре 1988 года был создан Творческий центр советско-американской программы "Дети - творцы XXI века".

Директором центра стал Михаил Торховской.

Пятого августа 1989 года Эмма Васильевна Панкратова ждала мужа на Арбате, муж сказал, что нужно позвонить Тане, она просила. Начали звонить, но телефон не отвечал. Дело было около четырех часов дня.

Вечером позвонил Торховской.

Он спросил, нет ли Тани. Ему ответили, что нет и никак не могут дозвониться.

Второй раз он позвонил уже около десяти часов вечера. Танин отец торопился на поезд. Разговор получился сбивчивым. Миша потерял ключ от Таниной квартиры, а телефон молчит целый день. Владимир Алексеевич предложил встретиться в метро по дороге на вокзал, чтобы отдать Мише свои ключи. Торховской от этого предложения отказался и сказал, что будет ждать Таню у себя дома.

Утром 6 августа Эмма Васильевна в 9 часов утра снова попробовала дозвониться до дочери - и снова не получилось. Тогда она стала звонить Торховскому, который сообщил ей, что всю ночь искал Таню и в 2 часа ночи дозвонился до бюро несчастных случаев. Спросил, есть ли у неё ключи, чтобы поехать и посмотреть, нет ли там для него записки.

Договорились встретиться в одиннадцать тридцать.

Когда Эмма Васильевна приехала, Михаил уже ждал её на лестнице.

Оказалось, что ключи она второпях взяла не те.

Стали решать, как быть.

Михаил сразу же предложил взломать дверь. Когда позвонили в соседнюю квартиру, Торховской обратил внимание Эммы Васильевны на огромный букет роз, оставленный им для Тани в ручке двери. К нему была прикреплена записка: "Привет Тане от Миши".

Сосед сказал, что дверь ломать жалко, и пригласил Торховского в свою квартиру: он предложил перелезть на лоджию Таниной квартиры с его лоджии, как всегда делал прежний жилец, если забывал дома ключи. Михаил лезть отказался, сославшись на то, что боится высоты.

Тогда сосед сделал это сам.

Потом он открыл дверь и ушел.

Эмма Васильевна и Михаил вошли в Танину квартиру.

Дверь на кухню была открыта. И там на полу лежала Таня.

Таня лежала ничком с заломленными назад руками.

Все вещи в квартире, включая и дорогую аппаратуру, и дорогую одежду, - все было на месте. Порядок нарушала только открытая дверца секретера, из

которого были выброшены кое-какие бумаги, да кейс Торховского, бумаги которого тоже были разбросаны на полу. И все.

Михаил не разрешил Эмме Васильевне идти на кухню, и до приезда милиции они сидели у соседей.

- Что же это такое? - спросила Эмма Васильевна. Она ожидала услышать: "Ума не приложу" или что-нибудь вроде этого, однако он вдруг сказал, что уверен: здесь произошло убийство на почве ревности.

И несмотря на то что все, кроме единственного и главного, уже отделилось от сознания, Эмма Васильевна успела возразить Торховскому, что считает такое предположение бессмысленным. Она знала, что цыганских страстей и отвергнутых притязаний в Таниной жизни не было. В ней был один-единственный Миша.

Что обнаружила милиция?

Таня лежала на полу кухни. Руки заломлены назад, рот заклеен лейкопластырем.

"Труп гражданки Панкратовой Татьяны Владимировны, 1964 года рождения, был обнаружен со множеством колото-резаных ранений груди и шеи. По данному факту в тот же день, 6 августа, было возбуждено уголовное дело по ст. 103 УК РСФСР. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Панкратовой наступила от острой кровопотери, явившейся следствием колото-резаных ранений шеи и грудной клетки с повреждением сонной артерии, яремных вен, легких и печени в период с 10 часов 35 минут до 14 часов 35 минут 5 августа 1989 года. По заключению медико-криминалистической экспертизы, раны Панкратовой могли быть причинены ножом".

Но ножа не было.

Было только одно символическое обстоятельство, которое могло оказаться концом нити, запутанной в клубок.

Таня была в джинсах. Сзади они оказались распороты по шву. Ровно настолько, сколько могло понадобиться для того, чтобы навести на мысль об изнасиловании. Однако экспертиза отвергла эту подсказку. Значит, то, что лежало на поверхности, - лежало для отвода глаз.

Быстро отказались и от мысли об ограблении, точнее, попытки ограбления. Ни одной даже самой пустяковой вещицы не тронул убийца. Да и вошел он в квартиру не с отмычкой - замок был цел, и быстро выяснили, что был в этом замке только свой, "родной" ключ. Значит, Таня открыла убийце сама - или у него был ключ.

Что же касается друзей и знакомых, которых у такого общительного человека, как Таня, было множество, - их стали проверять. Но логично было с самого начала уяснить, где был и что в этот день делал Михаил Торховской - человек, который жил в этой квартире на правах будущего мужа и имел ключ от

нее.

Несколько мелочей то и дело всплывали в сознании людей, которым надлежало решить эту задачу.

По свидетельствам подруг Тани, Торховской был скуповат. В день рождения цветов ей он не подарил. С чего же вдруг оставил у дверей, без присмотра, роскошный букет роз?

В день убийства он встречался с неким человеком, который назвал время встречи и её окончания, очень близко подходившее ко времени убийства. Сам же Торховской упорно сдвигал время встречи на час позже. Из чего следовало, что во время совершения убийства он никак не мог находиться в квартире.

И было, наконец, ещё одно необычайное обстоятельство, на которое обратил внимание старший оперуполномоченный Бабушкинского РУВД Сергей Владимирович Толкачев.

Толкачев осматривал труп, Торховской же в это время находился в коридоре. В таком месте, откуда не могло быть видно, что происходит на кухне. Так вот, когда Толкачев проводил осмотр, Торховской сказал ему, что вот, мол, ножом исколота, да ещё и шея перерезана.

Увидеть никак не мог - проводили специальный эксперимент.

Восьмого августа 1989 года Торховской был задержан по подозрению в убийстве Панкратовой. 11 августа была избрана мера пресечения - содержание под стражей.

Шестнадцатого августа, находясь в изоляторе временного содержания на Петровке, Торховской сделал чистосердечное признание, в котором рассказал, как убил Таню.

Вот оно, это чистосердечное признание:

"После встречи с К., которая произошла приблизительно с 13.05 до 14.20... я поехал на квартиру к гр. Панкратовой. Когда я пришел, Татьяна разговаривала по телефону, с кем, я не знаю, дверь открывала мне она, на минуту оторвавшись от телефона... Я спросил у нее, есть ли что-нибудь на обед. Она ответила, что ничего неготово, и дальше стала говорить мне, что ей надоело быть домашней хозяйкой, что она не хочет больше со мной жить, что она думала дотерпеть "до Болгарии" (куда собиралась уехать к подруге через несколько дней. - О.Б.), а потом расстаться, но у неё кончилось терпение сегодня, что она больше не хочет жить с самодуром и сволочью. Она стала сравнивать меня со своими прежними ухажерами, показывая мне, насколько они были лучше, чем я... потом она сказала, что сегодня же просит меня убраться и больше никогда не звонить и не приходить. Я Таню очень любил и люблю, и это слышать мне было очень тяжело. Я не могу вспомнить точно конец разговора. Я помню только, что просил её одуматься, а она в

ответ говорила мне все больше и больше, я никогда раньше не видел её такой. Потом я помню, что схватил на кухне нож и ударил её сначала один, потом ещё несколько раз на полу в кухне и убил ее".

Из протокола допроса подозреваемого Торховского М.В. 17 августа 1989 года:

"...После того как Таня выбросила на пол мой портфель, я схватил её за руки и пытался успокоить, но она вырывалась, говорила, чтобы я к ней не прикасался, и кричала, чтобы я убирался из квартиры. После того, держа Таню за руки, я оттащил Таню на кухню, но она там продолжала кричать... Я пришел в ярость и решил её связать, чтобы она успокоилась и одумалась. Я взял на кухне нож с деревянной ручкой. На кухне отрезал от чего-то кусок провода... Я попробовал стоя связать Тани руки сзади, но она сопротивлялась, и мы в процессе борьбы упали на пол кухни. На полу мне удалось связать... руки. При этом Таня, лежа на полу, пыталась развязать руки, кричала, что я садист, и ничто больше не заставит её жить со мной... От такого поведения, её оскорблений я освирепел и помню, что... в правой руке у меня был нож, которым я отрезал шнур... Таня, когда боролась со мной, видимо, случайно напоролась на нож... После этого я помню, что нанес несколько ударов этим ножом... не отдавая себе отчета в своих действиях и нанося удары куда попало... Сколько именно я нанес ударов - не помню, но, по-моему, около 4 ударов... Я встал и понял, что она убита... Я понял, что должен создать себе алиби и убрать орудие преступления из квартиры Тани. С этой целью я позвонил (из своей квартиры) отцу Тани и сказал ему, что ищу Таню, что забыл ключи от её квартиры и что дома её нет... После этого в тот же день я снова приехал на квартиру Тани... Тем же ножом, которым я наносил удары... я разрезал на Тани брюки сзади... чтобы создать видимость, что с Таней совершена попытка изнасилования. ...Затем я взял нож... вымыл его в ванной в раковине, завернул его в газету "Московский комсомолец"... Около дома Тани, около помойного бачка я выбросил в картонную коробку, которая лежала около бачка, нож в газете..."

Через неделю он от этих показаний отказался, сославшись на то, что сделал их под моральным воздействием работников милиции.

А через четыре месяца Михаил Торховской был освобожден из-под стражи. 4 января 1991 года старший следователь прокуратуры РСФСР Н. Лысенко постановил: уголовное дело в отношении Торховского М.В. прекратить за недоказанностью. Предварительное следствие по уголовному делу № 18/67042-89 приостановить.

Чем же руководствовался старший следователь по особо важным делам при прокуратуре РСФСР старший советник юстиции Н.В. Лысенко, подписав такое постановление?

Срок предварительного расследования истек.

Орудие убийства найдено.

На носовом платке, изъятом у Торховского, и на джинсах из квартиры Панкратовой обнаружена кровь человека - но определить её групповую принадлежность не смогли.

Что же касается отпечатков пальцев - обнаружены как следы Торховского и Панкратовой, так и следы гражданина К. из Новгорода, который, находясь в командировке, ночь с 31 июля на 1 августа провел в квартире Тани с её разрешения. На сброшенном из шкафа на пол календаре также были отпечатки пальцев рук. Но, кому они принадлежат, не выяснили, несмотря на то что из 240 человек, допрошенных по делу, у 50 были получены образцы отпечатков пальцев и проведены дактилоскопические экспертизы.

Одним из мотивов приостановления следствия было также и то, что показания Торховского, данные в чистосердечном признании, "по ряду обстоятельств не соответствуют фактическим данным".

Что имеется в виду?

Торховской ничего не сообщил о лейкопластыре.

Не сказал, что Таня перед тем, как получила первые ножевые ранения, была придушена шнуром.

На трупе обнаружено 26 колото-резаных ножевых ранений - в чистосердечном признании говорится о четырех.

Не знаю, в какой степени логика используется в качестве инструмента при расследовании такого дела, но если все же используется, - тогда у меня есть вопросы.

Всегда ли считаются достоверными только те факты из чистосердечного признания, которые абсолютно совпадают с картиной места и обстоятельств происшествия? Не могут ли 4 вместо 26 ножевых ранений, забытый лейкопластырь и т.п. объясняться естественным стремлением человека, дающего показания, даже и в такой ситуации представить дело несколько иначе, если ему кажется, что это поможет облегчению участи? Кроме того, профессионал не может не знать, что действия, производимые в состоянии сильного волнения, отпечатываются в памяти отрывочно - о чем и может свидетельствовать как раз цифра 4. А если бы запомнилось, что ударов было 26, - это было бы уже совсем другое состояние.

Если само по себе чистосердечное признание, не нашедшее подтверждения, может считаться самооговором, сделанным в состоянии шока, стресса или под давлением лиц, ведущих дознание, - отчего же расхождение в деталях, расхождение не качественное, а количественное, - прошу прощения за топорную формулировку - не может приниматься во внимание с соответствующими поправками? Здесь я имею в виду опять же только логику, согласно которой

можно как оговорить себя, так и стараться приукрасить то, что украшению уже не подлежит. Природа отклонения от истинного изображения одна. Отчего же в одном случае она объясняется так, в другом иначе?

Имеет смысл обратить внимание и на так называемую "виновную осведомленность". Торховской сообщил следствию то, что могло быть ему известно строго в двух случаях: либо он сам это видел (и о чем не знали работники милиции и прокуратура), - либо кто-то ему об этом рассказал. Если видел сам - нужно делать выводы.

Если кто-то рассказал - следовало установить кто.

Результаты экспертиз дали мало.

Задавался ли Н.В. Лысенко вопросом: отчего так случилось? Ведь такая малая результативность имела место в первую очередь потому, что был избран самый удобный, но самый некачественный порядок назначения экспертиз. Если все делать по науке, экспертизы назначают в порядке, который дает возможность сохранить материал для возможно большего количества исследований. Если же руководствоваться тиканьем будильника, тогда получается то, что вышло по делу об убийстве Тани: когда Светлана Владимировна Гуртовая, лучший российский эксперт-биолог, получила фрагменты с кровью, они оказались так ничтожно малы, что работать с ними было уже бесполезно.

Отказавшись от своего чистосердечного признания, Михаил Торховской сослался на то, что сделал его под давлением работников милиции. Не странно ли, что он не написал ни одной жалобы? Даже и после того, как был освобожден из-под стражи, не говоря уже о времени пребывания в изоляторе. Одно простое и естественное чувство самосохранения, о котором уже так много нами говорилось, отчего оно не подсказало ему, что дело всего лишь приостановлено. Ему может быть снова дан ход. А жалоб нет - при том, что речь идет о тяжком подозрении...

Можно ещё раз вернуться и к факту потери ключей - он был опровергнут показаниями нескольких свидетелей.

Но почему не был дан ход показаниям старшего оперуполномоченного Бабушкинского РУВД С.В. Толкачева о том, что Торховской не мог видеть, что у Тани перерезано горло, но знал об этом?

Я не знаю, кто убил Таню Панкратову. Не знают этого и в прокуратуре России, следователь которой решился поставить многоточие в пятитомном деле. Но можно ли со всей ответственностью утверждать, что предварительное следствие исчерпало все свои возможности, как о том говорится в постановлении о приостановлении следствия?

У следствия была ещё одна, последняя возможность.

Дело могло быть направлено в суд.

Давайте спросим у первого встречного, что он знает про следствие и суд, - и мы услышим нечто значительное.

Нам скажут - готова спорить, так ответит каждый второй, - что следственные и судебные инстанции являются разными отделами одного и того же департамента. И работу они выполняют одну и ту же.

Это роковое заблуждение владеет не только простыми смертными, но и представителями тех отделов департамента, которым уж непременно следовало бы различить свои и чужие задачи.

Адвокат Генри Резник сформулировал диагноз так: "Совместно борющиеся с преступностью, получающие на совещаниях и "коврах" одни и те же упреки в росте преступности и снижении раскрываемости, суд, прокуратура, следствие, милиция утрачивают основу своих отношений - взаимную независимость - и действительно ощущают себя элементами единой репрессивной системы".

Люди смертны.

Им свойственно ошибаться.

Поэтому человечество, веками стараясь отыскать инструмент, с помощью которого можно установить истину, остановилось на формуле, выдержавшей все мыслимые испытания: предварительное следствие и оперативные службы отыскивают доказательства и предъявляют их государственному обвинителю. Суд же исследует собранное следствием и защитой и только после этого делает вывод. В таком разделении труда содержится наиболее существенная гарантия возможной объективности.

Скажите, что важнее, что лучше: день или ночь?

Вы улыбнетесь: дурацкий вопрос... Значит, вряд ли кто возьмется утверждать, что день нужнее ночи или что ночь важнее дня. Они едины, потому что вместе составляют некую меру.

А как же тогда люди, облеченные властью, берут на себя смелость выбрать одну из двух инстанций - только предварительное следствие, на суд не тянет - и при этом всерьез полагают, что такой выбор - в их компетенции. Так называемые "оценочные" дела имеют лишь одну перспективу, если нас волнует божий суд в понимании неверующих: такие дела должны пройти через поединок обвинения и защиты. Никто не знает и не может знать заранее, что выяснится в суде, какими будут аргументы сторон и как в целом сложится судебное заседание.

Тем не менее дело об убийстве Тани Панкратовой до суда не дошло. А каковы вообще были его маршруты?

Шестого октября Танина мама, Эмма Васильевна Панкратова, пришла к прокурору Бабушкинского района и от него узнала, что сегодня звонили из прокуратуры Москвы и велели срочно привезти дело.

- Странно, - сказал он. - Мы считали, что убийца установлен,

собирались дело в суд передавать...

Эмма Васильевна пошла к следователю Герасимову, который вел дело.

- Действительно, странно, - поддержал Герасимов прокурора.

Таким образом, выходило, что дело негласно побывало в союзной прокуратуре, там с ним ознакомились - зачем? - и вот оно отправлено в городскую.

А следователь городской прокуратуры Денисов по истечении четырех месяцев сказал Таниным родителям: Торховского держать под стражей больше нельзя - нет мотивов. И отказался просить отсрочку в прокуратуре России.

Когда мера пресечения была Торховскому изменена и его освободили, Эмма Васильевна и Владимир Алексеевич Панкратовы начали писать письма во все возможные инстанции.

Целый год дело находилось в прокуратуре России.

Оттуда оно вышло с вердиктом, который нам уже знаком.

Странно все-таки: люди месяцами на коленях ползают, умоляют, чтобы вышестоящая прокуратура познакомилась с делом - и все без толку, будь там хоть три трупа, хоть убийство ребенка. А тут никто ни о чем не просил - само уехало. И не куда-нибудь, а сразу на самый верх.

Повторюсь: я не знаю, кто убил Таню Панкратову.

Но мне очень хочется знать, отчего так причудлива судьба этого уголовного дела и чем оно смогло заинтересовать инстанции, которые только некстати можно обвинить в излишнем любопытстве.

Рискну произнести вслух предположение, которое ни в коем случае не претендует на то, чтобы считаться истиной в последней инстанции. Это всего лишь предположение - но в отсутствие каких-либо других обратимся к нему.

На допросе 2-3 января 1991 года, который проводил следователь Афанасьев в присутствии Лысенко и адвоката Кисинежского, Торховскому был задан вопрос: кому принадлежит голос на пленке автоответчика, задавший вопрос Михаилу: "Номер рейса, на котором вы летите с бабкой? Дядя Женя". Торховской ответил:

- Это голос Велихова, моего дяди.

Евгений Павлович Велихов - академик, директор Института имени Курчатова, вице-президент Академии наук России, член ЦК КПСС в 1989-1990 годах, депутат Верховного Совета СССР в 84-89-м годах, народный депутат СССР с 1989 года и член Верховного Совета СССР с 1989 года. Он же - председатель попечительского совета советско-американского центра "Дети - творцы XXI века".

Можно ли считать категорически невозможным вмешательство известного и влиятельного родственника в уголовное дело, исход которого может оказаться непредсказуемым?

Надеюсь, никто не упрекнет меня в том, что я в угоду профессии, призываю всех пренебречь родственными связями в тот момент, когда хороши любые средства - речь идет о жизни и смерти.

Нет, напротив.

Но если допустить, что Евгений Павлович Велихов и в самом деле интересовался судьбой своего родственника, разве не логично будет предположить и то, что в соответствующих инстанциях отдали должное авторитету и чинам академика Велихова?

Тогда и путешествие дела по кабинетам, не всем доступным, становится не столько загадочным, сколько печально узнаваемым.

Полагаю, своими размышлениями я не оскорбила чести и достоинства Евгения Павловича Велихова. Мне кажется, они находятся на высоте, мне недоступной.

Но Таня Панкратова...